

Достоевский&Миронов

От «Мёртвого дома» до «Матросской тишины»

Эта неожиданная тема родилась из письма нашего обозревателя в Риме Никиты Барашева, который мимолётно обронил (цитируем): «Кстати, любопытный момент в итальянской тюремной жизни. Здесь заключённому полагается 500 (пятьсот) евро в месяц на продукты питания. Причём из расчета этой суммы, сидящий может сам составлять себе меню, заказывать продукты и выпивку, и планировать удобства своего быта – сковородки, кастрюли, зубная паста, шампуни, мыло и баллонный газ для камерной кухни тоже входят в эту сумму. Простое столовое вино часто полагается за счёт заведения».

В связи с этим потрясающим замечанием нашего римского автора – две сугубо русские истории: из книги Ивана Миронова о его сидении в «Матросской тишине» и «Записки из Мёртвого дома», Ф. Достоевский

Иван Миронов

Человека, который существовал без капли спиртного больше двух месяцев, я видел лишь однажды. Это был мой институтский преподаватель, профессор по древним мирам, который, чтобы не умереть от алкоголизма, зашил себе в ягодицу «торпеду». За пятнадцать лет безудержного пьянства он вышел на дневную норму в 0,7 литра. Вовремя сообразив, что это черта, он согласился лечь под скальпель нарколога. С ролью трезвенника Евгений Абрамович справлялся с большим трудом, но редкой выдержкой. Он скурил сигарету в две затяжки, убивая по три пачки в день, стал одержим заразным перевозом и навязчиво переспрашивал у официантов об отсутствии в блюдах винного соуса. Маститому ученому приходилось невыносимо тяжело, и лишь запрограммированный страх взрыва ядовитой капсулы в собственном сиделище удерживал его от стакана. Тогда я попил коньячок, подтрунивая над собеседником, с ужасом про себя размышляя, на какие физические и психические муки идет человек ради отказа от рюмки. Неужели нет варианта проще? Ответ я узнал через полтора года, заехав на «девятку».

Помимо блестящего решения своих профильных задач федеральная тюрьма №1 может дать фору любой наркологической клинике. Крепче кефира здесь ничего не предлагают. Всякий процесс брожения сурово, от разгона камеры до карцера, пресекается администрацией моментально с подачи ссученных и не отлипающих от глазков вертухаев. Ходит байка по тюрьме, что изюм на центральной запретили после неудачной попытки Япончика настоять на сухофрукте брагу. Об этом, закатывая глаза к потолку в дань авторитету Иванькова, полушёпотом рассказывал Вова Грибков.

Здесь заморозка легко и непринуждённо переламинает законченных синяков и наркош. Одни, в конце концов, избавляются от недуга, другие идут на сотрудничество и сознанку ради дозы или срыва на общий режим, где доступный ассортимент кайфа зависит только от потребностей и возможностей, упирающихся лишь в собственную кредитоспособность. Правда, остаётся и

третий путь. Кроме как смириться и сдаться, можно вскрыть себе вены или разбить голову, чтобы уехать на больничку, которая мало чем отличается от общего режима. У основной же массы клиентуры «девятки» через полгода страданий печень, сходя с ума от удивления, вновь обретает детскую стройность.

(...) Время от времени мы перебирали долгоиграющие запасы, складированные под столом и шконками. Порченное нещадно выбрасывалось.

– Пенициллин, – Серёга задумчиво крутил в руках упакованный в фирменный целлофан кирпич «бородинского», покрытого бирюзовой плесенью. – Можно попробовать.

– Думаешь, получится? – Олег, кажется, угадал ход мысли сокамерника, мне непонятной. На лице Олигарха зарделось предвкушение порочной радости.

– Что нашёл, Сережа? – в разговор вмешался Кумарин.

– Плесень. Давай, Володь, брагу поставим, – предложение Журя было поддержано молящим взглядом Лысого.

– Два кислых друга, хрен да уксус, – Сергеич махнул рукой, подарив инициативу потенциальным собутыльникам.

И завертелось. Сначала «бородинский» обильно засыпали сахаром: несколько дней подходила закваска. Пакет тщательно запрятали под сорокалитровым нагромождением пластиковой минералки между железными тумбочками.

– Серёга, готово уже, – Олег второй день нетерпеливо обхаживал нычку. – Ставить надо.

– Ты-то откуда знаешь, Олигарх? На общем не сидел, на воле, небось, кислее «Луи Тринадцатого» ничего не пробовал.

– Ха! – Олег гордо задрал голову. – У меня батя брагой балуется.

– О, как! – удивился я. – Ну, ладно, мы, пыль тюремная, изощраемся от безысходности. А на воле-то зачем? Бельенка батю уже не вставляет?

Фото Марины Берулавы



Застолье за решёткой

— Кто ему на беленькую денег даст? — распрямил плечи Олигарх.
— Ну, ты зверюга, Олежа, — возмутился Серега. — Родно-го отца на сухой паёк... Ты хоть машину ему со своих ярдов купил?
— А смысл? — не чуя подвоха, рассуждал Олигарх. — Чтoб, значит, он сначала незамерзайку выжрал, а потом тачку на ящик водки сменял? Пусть лучше дома сидит и брагой утешается.
— Суров ты к родителю. Детишки твои за деда своего и отомстить могут, — усмехнулся я.
— Ага, — заржал Серёга. — Посадят на старости тебя в будку на цепь и на денатурат. Под фыркaньe Олега он достал и развернул закуску.
— Лысый, а ведь ты прав, готово, можно ставить. Не зря твой батя мучается. Не жалеешь ты папку.

(...) Забродивший хлеб с резким квасным запахом заправили в две пластиковые бутылки из-под минералки по полтора литра каждая. Туда же щедро засыпали сахар и по горлышко влили горячей воды. Бутылки тщательно схоронили между тумбочек.
На следующий день после утренней проверки Олигарх извлёк из тайника баклажки, приткнул их себе под матрас, периодически выпуская из них накопившиеся пары, наслаждаясь игрой брожения и воображения. Делал он это лежа, скрючившись клубочком у себя на шконке, телом заслоняя бутылки от посторонних глаз.

(...) Сутки спустя Олега потряхивало в предвкушении выпивки, Серегу в предвкушении Кубка УЕФА. До первого и до второго оставался всего лишь день.
— Вань, загороди, пожалуйста, тормоза, — подстраховался Олег, намереваясь спустить воздух из созревающей браги.
Но стоило мне, опершись локтем на верхнюю шконку, загородить глазок, как снаружи раздалось лязганье замков, и тормоза резко распахнулись, предъявив к обозрению несколько тревожных рыл.
— Все выходят, — скомандовал дежурный майор. Мы молча проследовали в бокс.
— Что случилось, братуха? — только и успел бросить конвойному Серега.
— Не догадываешься? — хмыкнул тот, запирая за нами стaкaн.
— Раскидают хату, как пить дать, — затосковал Серега. Олег обмяк на холодную батарею и, не обращая внимания на Сергеича, закурил.
Каждый про себя прощался с коллективом, сожалел о допущенной глупости. Да еще какой! Цена расставания с почти родными соседями и свидания с клопами и крысами равнялась стакану сладковатой жижи пивной крепости.
— Я загружусь! — Олег судорожно погасил сигарету.
— Подожди ты, Вася! — раздражённо бросил Серега. — Там голимый квас. Скажем, что на окрошку поставили. Он не успел перебродить. Нет градуса — нет базара.
— Есть градус! — Олег покаянно покачал головой. — Отхлебнул с утра сегодня. Градусов пять всяко набежало. Словно в набат, Олег по нарастающей застучал кулаком по стальному корпусу двери.
— Чего надо? — неожиданно быстро отозвалось с продола.
— Я хочу сделать заявление! — уверенно и громко отчеканил Олигарх.

— Я тоже! — спохватился Жура. — Сколько можно ждать, старшой? Выведи на дальняк!
Снаружи неразборчиво буркнуло, и раздалась ленивая поступь удаляющихся шагов.
— Олег, никогда не надо спешить с чистосердечным! — укоризненно досадовал на Олигарха Сергеич.
— Интересно, почему так долго? — пожал плечами Жура. — Протокол, наверное, составляют, — Олег вновь закурил. — Теперь точно разведемся.
Минут через пять нас вывели. На столе в смотровой, куда примыкали боксы, мы ожидали увидеть конфискат. Но стол был пуст. Как ни в чем ни бывало, нас завели в камеру. Нетронутые бутылки лежали под матрасом, зато на стене под оргстеклом красовались новые «Правила содержания в следственном изоляторе обвиняемых, подозреваемых и осужденных». На полу белели свежие горки цементной пыли: чтобы закрепить оргстекло вертухам пришлось сверлить в стене дырки.
Олег счастливо обнимал баклажки, крутил крышки, наслаждаясь шипящей музыкой брожения. Такая ерунда, как слить немедленно брагу в парашу, больше в голову никому не приходила.
— У нас в Ленинграде еще в восьмидесятых случилась история. Ночью ехали менты, увидели в канаве пьяного. «Ну, — говорят, — угрелся ты, мужик, на пятнашку». А он им в ответ: «Вряд ли, наверное, вышку дадут, я же двоих завалил». Пробили. Оказалось, за ним действительно два трупа. Поэтому никогда не надо спешить с чистосердечным, — назидательно подытожил Сергеич.
Вряд ли кто еще на тюрьме так радовался новым правилам содержания, как мы, словно новоселью в кругу своих.
На вечерней проверке отличился Серега.
— Добрый вечер! — как всегда в сурово-серьёзном образе, майор давил бровями переносицу.
— Вы какой-то загадочный, товарищ майор. Будете чем-то удивлять? — полусшепотом выдал Жура.
— Я? — замаялся вертухай, не зная, как реагировать. — Нет!
— Завтра Кубок УЕФА. Зенита ждём! — Серега продолжал грузить майора. — Аж подколбашивает, словно после двух кубов.
В конец обалдевший вертухай пулей выскочил из хаты. Брагу распечатали в субботу после отбоя. Даже процеженная через марлечку жидкость оставалась густой и мутной. Слизкая сладость выдавала незрелость браги, но выдерживать её дальше слишком рискованно. Получилось по кружке на брата. Я отхлебнул. В растяжку пить было противно, пойло отличалось тошнотворной приторностью, по консистенции напоминало кисель. Опрокинул залпом. Жижa неспешно скользнула по пищеводу, заполнив желудок распирающей тяжестью, которая тут же тисками сдавила виски. То был хмель, сладко всколыхнувший ностальгию. В памяти забрезжила воля, какой я её оставил полтора года назад. Многое, наверное, поменялось, но не для меня. Все представилось явственно, ярко и больно. А вокруг себя я видел только тюрьму. Стало невыносимо душно. Холодно и душно. Стена, решетка, стена, — как же здесь тесно! Я впервые взглянул на тюрьму свежим взглядом слабого градуса. Обстановка показалась непривычной, а от этого грустной и жутковатой. Захотелось нажраться до беспамятства, забыться, заснуть и назавтра проснуться дома...

Фёдор Достоевский

Пьяный арестант, среди бела дня, в будний день, когда все обязаны были выходить на работу, при строгом начальнике, который каждую минуту мог приехать в острог, при унтер-офицере, заведующем каторжными и находящемся в остроге безотлучно, при караульных, при инвалидах — одним словом, при всех этих строгостях совершенно спутывал все зарождавшиеся во мне понятия об арестантском житье-бытье. И довольно долго пришлось мне прожить в остроге, прежде чем я разъяснил себе все такие факты, столь загадочные для меня в первые дни моей каторги.

Где-нибудь вне острога существует такой человек — из солдат, из мещан, иногда даже девка, — который на деньги антрепренёра и за известную премию, сравнительно очень немалую, покупает в кабаке вино и скрывает его где-нибудь в укромном местечке, куда арестанты приходят на работу. Почти всегда поставщик первоначально испытывает доброту водки и отпитое бесчеловечно добавляет водой; бери не бери, да арестанту и нельзя быть слишком разборчивым: и то хорошо, что еще не совсем пропали его деньги и доставлена водка, хоть какая-нибудь, да всё-таки водка. К этому-то поставщику и являлись указанные ему наперёд от осторожного целовальника проносители, с бычачьими кишками. Эти кишки сперва промываются, потом наливаются водой и, таким образом, сохраняются в первоначальной влажности и растяжимости, чтобы со временем быть удобными к восприятию водки. Налив кишки водкой, арестант обвязывает их кругом себя, по возможности в самых скрытых местах своего тела. Разумеется, при этом выказывается вся ловкость, вся воровская хитрость контрабандиста. Его честь отчасти затронута; ему надо надуть и конвойных и караульных. Он их надувает: у хорошего вора конвойный, иногда какой-нибудь рекрутик, всегда прозеваает. Разумеется, конвойный изучается предварительно; к тому же принимается в соображение время, место работы. Арестант, например печник, полезет на печь: кто увидит, что он там делает? Не лезть же за ним и конвойному. Подходя к острогу, он берёт в руки монетку — пятнадцать или двадцать копеек серебром, на всякий случай, и ждёт у ворот ефрейтора. Всякого арестанта, возвращающегося с работы, караульный ефрейтор осматривает кругом и ощупывает и потом уже отпирает ему двери острога. Проноситель вина обыкновенно надеется, что посовестятся слишком подробно его ощупывать в некоторых местах. Но иногда пролаз ефрейтора добирается и до этих мест и нащупывает вино. Тогда остаётся одно последнее средство: контрабандист молча и скрытно от конвойного сунёт в руки ефрейтора затаённую в руке монетку. Случается, что вследствие такого манёвра он проходит в острог благополучно и проносит вино. Но иногда манёвр не удаётся, и тогда приходится рассчитаться своим последним капиталом, то есть спиной (...).

Разумеется, бывает, что вино проносится и благополучно; тогда антрепренёр принимает принесённые кишки, заплатив за них деньги, и начинает рассчитывать. По расчёту оказывается, что товар стоит уже ему очень дорого; а потому, для больших барышей, он переливает его ещё раз, сызнаова разбавляя ещё раз водой, чуть не наполовину, и, таким образом приготовившись, ждёт покупателя. В первый же праздник, а иногда в будни, покупатель является: это арестант, работавший несколько месяцев, как кордонный вол, и скопивший копейку, чтобы пропить всё в заранее определённый для этого день. Этот день ещё задолго до своего появления снился бедному труженику и во сне, и в счастливых мечтах за работой и обаянием своим поддерживал его дух на скучном поприще острожной жизни. Наконец заря светлого дня появляется на востоке; деньги скоплены, не отобраны, не украдены, и он их несёт целовальнику. Тот подает ему сначала вино, по возможности чистое, то есть всего только два раза разбавленное; но по мере отпивания из бутылки всё отпитое немедленно добавляется водой. За чашку вина платится впятеро, шестеро больше, чем в кабаке. Можно представить себе, сколько нужно выпить таких чашек и сколько заплатить за них денег, чтоб напиться! Но, по отвычке от питья и от предварительного воздержания, арестант хмелеет довольно скоро и обыкновенно продолжает пить до тех пор, пока не пропьёт все свои деньги. Тогда идут в ход все обновки: целовальник в то же время и ростовщик. Сперва поступают к нему новозаведённые партикулярные вещи, потом доходит и до старого хлама, а наконец, и до казённых вещей. С пропитием всего, до последней тряпки, пьяница ложится спать и на другой день, проснувшись с неминуемой трескотнёй в голове, тщетно просит у целовальника хоть глоток вина на похмелье. Грустно переносит он невзгоду, и в тот же день принимается опять за работу, и опять несколько месяцев работает, не разгибая шеи, мечтая о счастливом кутёжном дне, безвозвратно канувшем в вечность, и мало-помалу начинающая ободряться и поджидать другого такого же дня, который ещё далеко, но который все-таки придёт же когда-нибудь в свою очередь.

Что же касается целовальника, то, наторговав наконец огромную сумму, несколько десятков рублей, он заготовляет последний раз вино и уже не разбавляет его водой, потому что назначает его для себя; довольно торговать: пора и самому поприбавить! Начинается кутёж, питьё, еда, музыка. Средства большие; задобривается даже и ближайшее, низшее, осторожное начальство. Кутёж иногда продолжается по несколько дней. Разумеется, заготовленное вино скоро пропивается; тогда гуляка идёт к другим целовальникам, которые уже поджидают его, и пьёт до тех пор, пока не пропивает всего до копейки. Как ни оберегают арестанты гуляющего, но иногда он попадает на глаза высшему начальству, майору или караульному офицеру. Его берут в кордегардию, обирают его капиталы, если найдут их на нём, и в заключение секут. Встряхнувшись, он приходит обратно в острог и чрез несколько дней снова принимается за ремесло целовальника.

Записки из Мёртвого дома